

И.О. Родин, Т.М. Пименова

Гамбринус

Краткое изложение

Гамбринус — «пивная в бойком портовом городе на юге России... Вместо столов были расставлены на полу, густо усыпанном опилками, тяжелые дубовые бочки; вместо стульев — маленькие бочоночки. Направо от входа возвышалась небольшая эстрада, а на ней стояло пианино. Здесь каждый вечер, уже много лет подряд, играл на скрипке для удовольствия и развлечения гостей музыкант Сашка — еврей, — кроткий, веселый, пьяный, плешивый человек, с наружностью обезлзой обезьяны, неопределенных лет. Проходили года, сменялись лакеи в кожаных нарукавниках, сменялись поставщики и развозчики пива, сменялись сами хозяева пивной, но Сашка неизменно каждый вечер к шести часам уже сидел на своей эстраде со скрипкой в руках и с маленькой беленькой собачкой на коленях, а к часу ночи уходил из Гамбринуса в сопровождении той же собачки Белочки, едва держась на ногах от выпитого пива. Впрочем, было в Гамбринусе и другое несменяемое лицо — буфетчица мадам Иванова, — полная, бескровная, старая женщина, которая от непрерывного пребывания в сыром пивном подземелье походила на бледных ленивых рыб, населяющих глубину морских гротов. Как капитан корабля из рубки, она с высоты своей буфетной стойки безмолвно распоряжалась прислугой и все время курила, держа папиросу в правом углу рта и щуря от дыма правый глаз. Голос ее редко кому удавалось слышать, а на поклоны она отвечала всегда одинаковой бесцветной улыбкой».

Обычные посетители «Гамбринуса» — «матросы разных наций, рыбаки, кочегары, веселые юнги, портовые воры, машинисты, рабочие, лодочники, грузчики, водолазы, контрабандисты, — все они были молоды, здоровы и пропитаны крепким запахом моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужас ежедневного риска, ценили выше всего молодечество, задор и хлесткость крепкого слова, а на суше предавались с диким наслаждением разгулу, пьянству и дракам». Многие из них не знают даже названия пивной и просто ходят «к Сашке». Он умеет играть все — от национальных мелодий до популярных рыбацких и воровских песен. Часто посетители затевают драки и жестокие, до крови, побоища, но одно только Сашкино вмешательство может «остановить ссору, которая на волоске висела от кровопролития... Может быть, на простые дикие нравы влияла эта кроткая и смешная доброта... Может быть, своеобразное уважение к таланту и что-то вроде благодарности? А может быть, также и то обстоятельство, что большинство завсегдаев Гамбринуса состояло вечными Сашкиными должниками». Сашка не цепляется за деньги, объясняя это тем, что «их с собой в могилу не брать».

Начинается русско-японская война, и Сашку забирают в солдаты, несмотря на то, что он уже вышел из призывного возраста. Вечером, из сочувствия, Сашку поят мертвецки, но его не удается развеселить. Один здоровенный рабочий вызывается идти на войну вместо Сашки. Растроганный Сашка дарит ему свою скрипку, а Белочку оставляет мадам Ивановой. Та в слезах даже крестит его на прощание.

После ухода Сашки в армию «Гамбринус» лишается многих постоянных посетителей. Другие музыканты не приживаются в пивной, не имеют никакого успеха у зрителей. Проходит год, все постепенно забывается, только мадам Иванова по-прежнему читает сводки с полей сражений и заботится о Белочке. Сашка возвращается совершенно неожиданно. Он «не подох от русского креста» и даже ни разу не был ранен, зато попал в плен и был привезен на германском пароходе в тот порт, где работали его друзья. В тот же вечер «Гамбринус» переполняется посетителями. «Уж наверно ни один из отечественных героев времен японской войны не видел такой сердечной и бурной встречи».

Через некоторое время в городе начинаются революционные беспорядки и еврейские погромы. Полиция запрещает Сашке играть любые гимны. Пьяная толпа готова растерзать кого угодно, но только не Сашку, несмотря на его национальность. Однако в порыве пьяного безумия один человек хватается за Белочку и разбивает ее голову о мостовую.

«Затем настало странное время... Какие-то разнузданные люди в манчжурских папахах, с георгиевскими лентами в петлицах курток, ходили по ресторанам и с настойчивой развязностью требовали исполнения народного гимна и следили за тем, чтобы все вставали». Один из них, Мотыка Гундосый, требует того же от Сашки. Сашка отказывается. Мотыка обзывает его «жидом вонючим», а себя величает «православным». Сашка спрашивает: «Православный? А за сколько?» Гундосый выкрикивает «чьи-то чужие, заученные слова»: «Братцы, доколе мы будем терпеть надругания жидов над престолом и православной церковью?» Сашка разбивает скрипку о голову Гундосого. Тот ничего не может поделать, потому что Сашку обступает плотная толпа защитников, а Гундосого выгоняют из пивной. Вечером, когда Сашка идет по темной улице домой, его арестовывают «по политическому делу».

Спустя три месяца музыкант возвращается. «Левая рука у Сашки, скрюченная и точно смятая, была приворочена локтем к боку. Она, очевидно, не сгибалась и не разгибалась, а пальцы торчали навсегда около подбородка». Но Сашка не сдаётся. Он выучивается играть на *окарине*¹ и продолжает радовать посетителей пивной своей игрой. «Человека можно искалечить, но искусство все перетерпит и все победит».

---

¹ *Окарина* — духовой глиняный или фарфоровый итальянский народный музыкальный инструмент, звуком напоминающий флейту.